

павелъ россіевъ.

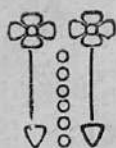
Белѣнкій печальникъ
за родину

Въручено 912.

Патріархъ
Гермогенъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
СПБ., МОЙКА 32.
"Сельская Вестник"

ТВОИ Д. СЫТИНА
МОСКВА
У НИКИНСКИХ ВОРОТЪ

Павель Россіевъ.

ВЕЛИКІЙ ПЕЧАЛЬНИКЪ ЗА РОДИНУ

ПАТРИАРХЪ
ГЕРМОГЕНЪ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

Цѣна 5 коп.

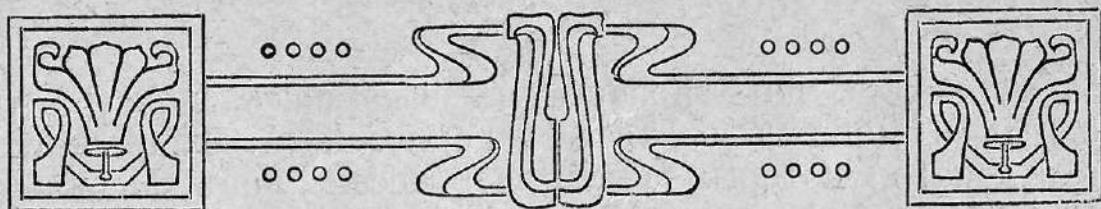

Типографія Т-ва И. Д. Сытина. Пятницкая ул., с. д.
Москва. — 1913.

Смирныи. Ермуш
У гень Патрнархъ.

Святѣйшій Гермогенъ, патріархъ Всероссійскій.

1. Начало служенія Родинѣ.

Великій печальникъ за Русскую Землю, патріархъ Гермогенъ происходилъ изъ донскихъ казаковъ и родился въ одной изъ придонскихъ станицъ (а по другимъ свѣдѣніямъ, родоначальниками его были князья Голицыны).

По преданію, при святомъ крещеніи младенцу дали имя: Ермолай. Подросткомъ онъ ушелъ въ Казань и поступилъ причетникомъ въ Спасо - Преображенскій монастырь. Здѣсь жилъ на покоѣ основатель монастыря Варсонофій, бывшій архіепископомъ въ Твери. Старецъ взялъ Ермолая подъ свое руководство, обучалъ его и укрѣплялъ въ вѣрѣ и благочестіи. Ермолай былъ посвященъ въ священнической санъ и опредѣленъ къ церкви святителя Николая.

Въ это время (8 іюля 1579 года), совершилось явленіе Казанской иконы Божіей Матери. Богоматерь явилась во снѣ девятилѣтней дочери стрѣльца Онучина, Матренѣ, и повелѣла ей объявить архіепископу Іереміи и городскимъ властямъ, что на мѣстѣ сгорѣвшаго дома Онучиныхъ скрыта въ землѣ икона Ея. Дѣвочка исполнила повелѣніе. Жители толпами спѣшили къ священному мѣсту. Архіепископъ Іеремія съ духовенствомъ совершилъ крестный ходъ, поднялъ явленную икону и велѣлъ нести ее въ ближайшую церковь святителя Николая.

Несъ икону плакавшій отъ умиленія, никольскій священникъ—будущій патріархъ Гермогенъ.

Вскорѣ отецъ Ермолай лишился жены и принялъ монашество, съ именемъ Гермогена. Новый инокъ отличался благочестіемъ, хорошо зналъ священное писаніе, творенія святыхъ отцевъ и церковную исторію. Царь Θεодоръ Іоанновичъ, сынъ Іоанна Грознаго, возвелъ его въ санъ казанскаго митрополита. Владыка ходилъ

за 50 верстъ изъ Казани, въ Свіяжскъ, навстрѣчу святымъ мощамъ святителя Гермогена, архіепископа казанскаго, которыя были перенесены изъ Москвы. Вскорѣ были открыты мощи свв. Гурія и Варсонофія казанскихъ (4 октября 1595 г.).

Усердно трудился въ Казани митрополитъ Гермогенъ, насаждая православную вѣру среди покоренныхъ татаръ и прославляя русское имя. Народъ очень почиталъ его, какъ великаго постника и челоуѣка подвижнической жизни. Но Казань была лишь началомъ незабвеннаго служенія святителя Русской Землѣ.

Въ это время, Русь постигло страшное бѣдствіе.

Въ 1598 г., прекратился, со смертью царя Θεодора (сына Іоанна Грознаго), правившій Русью домъ Рюрика, а на престолъ вступилъ избранный земскимъ соборомъ Борисъ Годуновъ. Младшій же сынъ Грознаго, царевичъ Димитрій, еще при жизни царя Θεодора, былъ зарѣзанъ въ Угличѣ (15 мая 1591 г.). Въ народѣ говорили, что убійцы были подсланы братомъ царицы, Борисомъ Годуновымъ.

Послѣ смерти Θεодора, нѣсколько лѣтъ Годуновъ царствовалъ спокойно. Но затѣмъ начались голодные годы и повальные болѣзни. Царь Борисъ старался расположить къ себѣ народъ добрыми дѣлами, кормилъ неимущихъ, давалъ работу безработнымъ. Народъ не успокаивался. Началась смута. Явился первый самозванецъ, который принялъ на себя имя убиеннаго царевича Димитрія. Кто былъ этотъ челоуѣкъ— неизвѣстно и по сіе время. Но онъ объявилъ себя сыномъ Грознаго и утверждалъ, что въ Угличѣ зарѣзали подставнаго младенца, а его—истиннаго царевича—укрыли отъ убійцъ и спасли.

Назвавшійся Димитріемъ объявился въ Польшѣ. Польскій король воспользовался случаемъ, чтобы причинить зло ненавистному для него московскому государству: онъ пообѣщалъ самозванцу содѣйствіе и далъ ему отрядъ войска.

Въ августѣ 1604 года, Лже-димитрій переправился черезъ Днѣпръ и вступилъ въ русскіе предѣлы. Самозванецъ разбилъ царскую рать. Положеніе Годунова сдѣлалось отчаяннымъ. 29 апрѣля 1605 года, онъ скоропостижно скончался.

Самозванецъ безпрепятственно достигъ Москвы и вѣнчался на царство. Новый царь окружилъ себя поляками, обнаруживалъ пренебреженіе къ русскимъ обычаямъ, не ходилъ къ церковнымъ службамъ, не соблюдалъ постовъ. Православная вѣра ему была какъ бы совершенно чужою. Такъ какъ патріархъ Іовъ явно не сочувствовалъ мнимому царю, то назвавшійся Димитріемъ лишилъ старца патріаршей власти, послалъ его въ заточеніе въ городокъ Старицу и поставилъ патріархомъ Игнатія.

Между тѣмъ, въ Москву пріѣхала дочь сандомирскаго¹⁾ воеводы, полька Марина Мнишекъ, на которой самозванецъ задумалъ жениться, еще живя у польскаго короля. Русскіе дали понять Лже-димитрію, что Марина Мнишекъ должна перейти въ православіе. Царь запросилъ объ этомъ архіереевъ. Отъ имени собора высказался казанскій митрополитъ Гермогенъ.

— Не подобаешь,—говорилъ святитель,—православному царю брать некрещеную и вводить въ святую церковь. Не дѣлай такъ, царь: никто изъ прежнихъ царей такъ не дѣлалъ, а ты хочешь сдѣлать.

Самозванецъ приказалъ лишить Гермогена сана и отправить въ заточеніе въ Казань. Однако, кара не постигла твердаго духомъ святителя. Утромъ 17 мая 1606 года, когда названный царь Димитрій еще спалъ, кн. Василій Шуйскій съ мечомъ и крестомъ въ рукахъ вѣхалъ на конѣ въ Кремль, чрезъ Спасскія ворота. Съ колоколенъ раздался набатъ. Москвитяне хлынули толпами къ Кремлю. Лже-димитрій выбросился въ окно, но тутъ же былъ убитъ, и до сихъ поръ близъ кремлевскихъ соборовъ показываютъ мѣсто его гибели.

Марина успѣла спастись.

¹⁾ Сандомиръ тогда принадлежалъ Польшѣ, теперь—уѣздный городъ Радомской губерніи.

2. Гермогенъ - патріархъ

Черезъ три дня послѣ гибели самозванца, бояре и московскіе люди собрались на Лобномъ мѣстѣ, у кремлевскихъ стѣнъ, и провозгласили царемъ князя Василя Ивановича Шуйскаго, избавившаго Московское государство отъ перваго Лже-дмитрія.

Царь Василій собралъ духовный соборъ и предложилъ избрать митрополита Гермогена всероссійскимъ патріархомъ. Ставленникъ самозванца, Игнатій былъ низложенъ. 3 іюня 1606 года, архипастыри возвели казанскаго святителя въ патріаршій санъ. Между тѣмъ, смута не прекращалась. Пошелъ опять слухъ, что назвавшійся царемъ Дмитріемъ не погибъ 17 мая, а бѣжалъ изъ Москвы и живъ; изъ окна же выбросился кто-то другой. Темный людъ растерялся. Стало даже хуже прежняго. Появились разбойничьи шайки. Украина заволновалась, какъ при первомъ самозванцѣ.

Патріархъ Гермогенъ повелѣлъ перенести изъ Углича въ Москву мощи царевича Дмитрія, самозванца же предалъ церковной анаѣемѣ. Многіе образумились, но неразумныхъ людей оказалось также не мало. Вожаками бунтовщиковъ явились путивльскій воевода князь Григорій Шаховской и холопъ Иванъ Болотниковъ. Возсталъ вся Сѣверская земля. Шаховской разсылалъ указы, прикладывая къ нимъ похищенную царскую печать, и призывалъ всѣхъ къ мятежу противъ Василя Шуйскаго.

Въ это время, возвысилъ свой голосъ противъ зачинщиковъ смуты патріархъ Гермогенъ. Сначала, для увѣщанія мятежниковъ, онъ отправилъ крутицкаго митрополита Пафнутія. А когда это не помогло—разослалъ по городамъ грамоты. Первые грамоты онъ отправилъ 29 и 30 ноября 1606 г. Первосвятитель писалъ, что измѣнники распускаютъ слухи, будто бы Дмитрій живъ. Патріархъ опровергалъ эти слухи и убѣждалъ народъ быть вѣрнымъ царю Василю Ивановичу. Патріаршія грамоты оказывали большое вліяніе на народъ, изъ городовъ стали приходить въ Москву люди на царскую службу. Шуйскій снарядилъ войско противъ Болотникова, подъ начальствомъ своего пле-

мянника, юнаго, доблестнаго князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго. Герой на голову разбилъ Болотникова... Холопъ съ Шаховскимъ бѣжали въ Калугу и тамъ укрѣпились. Собрались около нихъ необузданные люди. Снова послалъ царь войско, но оно передалось на сторону бунтовщиковъ, которые перешли изъ Калуги въ Тулу. Въ то же время, въ городѣ Стародубѣ появился новый самозванецъ—Лжедмитрій второй, такъ же, какъ и первый,—человѣкъ неизвѣстнаго происхожденія.

Патріархъ Гермогенъ проклялъ Болотникова и его единомышленниковъ, а царю посовѣтовалъ самому выступить съ войскомъ противъ тульскихъ злодѣевъ, чтобы не дать имъ соединиться съ самозванцемъ. Одновременно, святитель разослалъ грамоты по всему государству, оповѣщая о походѣ и указывая, кто были измѣнники Родинѣ. Шуйскій послалъ впередъ доблестнаго племянника своего Скопина-Шуйскаго съ отрядомъ. Стояла осень 1607 года. Скопинъ снова одержалъ побѣду. Подоспѣвшій царь осадилъ Тулу. Туляки взмолились о прощеніи. Болотниковъ и Шаховской были схвачены. Царь торжественно возвратился въ Москву.

Самозванецъ же, перезимовавъ на Полѣсьѣ, двинулся весною къ Москвѣ, со своими и польскими шайками. Въ маѣ 1608 года, подъ Болховомъ произошло сраженіе между его и царскими отрядами. Побѣдилъ самозванецъ и уже безъ помѣхи пошелъ дальше. Къ началу іюня, онъ находился всего въ 12 верстахъ отъ Москвы, въ селѣ Тушинѣ, отчего и получилъ прозваніе «Тушинскаго вора». Осенью пришелъ польскій полководецъ Сапѣга съ семью тысячами поляковъ; съ нимъ прибыла и Марина Мнишекъ, которую Сапѣга перехватилъ на дорогѣ въ Польшу. Недолго думая, Марина признала Тушинскаго вора своимъ мужемъ и осталась въ Тушинѣ.

3. Осада Троицкой лавры.

Дивенъ Богъ во святыхъ своихъ!

Не рѣшаясь взять Москву приступомъ, тушинцы осадили Троице-Сергіевую лавру, гдѣ было много богатой утвари, дорогихъ облачений и жемчуга. Все это были приношенія благочестивыхъ царей, князей, бояръ и другихъ богомольцевъ. Злодѣи рѣшили завладѣть богатствами обители. 30 тысячъ поляковъ окружили лавру и стали подводить подкопы. Царь послалъ, въ помощь монахамъ и монастырскимъ крестьянамъ, отрядъ стрѣльцовъ съ воеводами Голохвастовымъ и Долгорукимъ, а племянника Скопина - Шуйскаго отправилъ къ шведскому королю нанять 15 тысячъ шведскихъ ратниковъ, для борьбы съ крамольниками, поляками и Тушинскимъ вояромъ. Съ 23 сентября 1608 года, въ продолженіе шестнадцати мѣсяцевъ, Троице-Сергіева лавра выдерживала осаду, хотя монаховъ и стрѣльцовъ было вдесятеро меньше, чѣмъ поляковъ. Осажденные терпѣли голодъ, но не сдавались. День и ночь въ храмахъ совершались богослуженія; одни иноки молились, другіе сражались, лили со стѣнъ кипятокъ и горячую смолу на враговъ, ходили и на вылазки. Тяжко имъ было, отъ голода болѣзни развивались.

Впрочемъ, не лучшее положеніе испытывали и московскіе жители.

Поляки и тушинцы рыскали вокругъ столицы и не пропускали въ нее торговцевъ. Въ Москвѣ наступила страшная дороговизна всѣхъ съѣстныхъ припасовъ. Неудовольствіе противъ Шуйскаго въ народѣ росло. Князь Романъ Гагаринъ, Григорій Сумбуловъ и Тимоѣей Грязной, 17 февраля 1609 года, собрали толпу буяновъ, явились въ Кремль, и стали звать патріарха Гермогена на Лобное мѣсто. Святитель отказался. Его схватили и насильно повели. На площади патріархъ спросилъ толпу, что ей нужно. Верховоды закричали:

— Шуйскій тайно побиваетъ и топить нашу братію, дворянъ и дѣтей боярскихъ, и женъ, и дѣтей ихъ

втайнѣ истребляетъ, и такихъ побитыхъ уже съ двѣ тысячи!.. Вонъ и теперь нашу братію повели топить.

Патріархъ Гермогенъ строго взглянулъ на бунтовщиковъ и спокойно задалъ имъ вопросъ:

— Какъ же это могло статья, что мы ничего не знали? Въ какое время и кто, именно, погибъ?

— Да вотъ и теперь повели!—кричали изъ толпы.

— Да кого же повели-то?—опять спросилъ патріархъ.

— Мы послали уже вѣрять ихъ, ужо увидите!—закричали вожаки.

Патріархъ укорилъ ихъ во лжи и клеветѣ. Одинъ изъ бунтовщиковъ выступилъ впередъ и сталъ громко читать грамоту, сочиненную въ Тушинѣ, у вора. Здѣсь говорилось, что «князя Василя Шуйскаго выбрали на царство одною Москвой, а иные города того не вѣдаютъ, и князь Василій Шуйскій намъ не любъ; изъ-за него кровь льется и земля не умиряется; что бы намъ выбрать на его мѣсто иного царя?».

Патріархъ на это отвѣтилъ:

— До сихъ поръ Москвѣ—ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и никакіе города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ. Государь царь и великій князь Василій Ивановичъ всея Руссіи возлюбленъ, избранъ и поставленъ Богомъ и всѣми русскими властями, и московскими боярами, и вами дворянами, и всякими людьми всѣхъ чиновъ, и всѣми православными христіанами, да изо всѣхъ городовъ на его царскомъ избраніи и поставленіи были въ тѣ поры люди многіе, и крестъ ему цѣловала вся земля, что ему, государю, добра хотѣтъ, а лиха и не мыслить. А вы, забывъ крестное цѣлованіе, немногими людьми возстали на царя, хотите его безъ вины съ царства свести, а міръ того не хочетъ, да и не вѣдаетъ, да и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристанемъ же. А что, если кровь льется и земля не умиряется, то дѣлается волею Божіею, а не царскимъ хотѣніемъ.

Послѣ этихъ словъ, патріархъ ушелъ съ Лобнаго мѣста къ себѣ въ покой. Слова святителя оказали громадное вліяніе на толпу. Послышались крики:

— Смута противъ царя дѣлается по наущенію литовскихъ людей! Измѣнники хотятъ сдать Москву Тушинскому вору!

Мятежники устыдились и разошлись по домамъ.

Для успокоенія народа, патріархъ снова разсылаетъ грамоты. Отпавшимъ отъ царя онъ писалъ, что измѣну царю законному считаетъ измѣною вѣрѣ и отступленіемъ отъ Бога.

«Посмотрите,—пишетъ святитель,—какъ отечество наше расхищается и разоряется чужими, какому поруганію предаются святые иконы и церкви, какъ проливается кровь неповинныхъ, вопіющая къ Богу. Вспомните, на кого вы поднимаете оружіе: не на Бога ли, сотворившаго васъ, не на своихъ ли братьевъ?.. Не свое ли отечество разоряете?.. Не ко всѣмъ пишемъ это слово, но къ тѣмъ, которые, забывъ смертный часъ и страшный судъ Христовъ и преступивъ крестное цѣлованіе, отъѣхали и измѣнили царю государю Василію Ивановичу, и всей землѣ, и своимъ родителямъ, и своимъ женамъ, и дѣтямъ, и всѣмъ своимъ ближнимъ, и особенно Богу».

Въ августѣ того же 1609 года, польскій король объявилъ войну Москвѣ. Сигизмундъ видѣлъ, какъ смута разбѣдаетъ русскую землю, и рѣшилъ покорить Московію. Онъ приказалъ полякамъ, находившимся около Тушинскаго вора, присоединиться къ королевскимъ войскамъ, которыя осадили Смоленскъ.

Поляки покинули вора, и онъ ночью ускакалъ верхомъ въ Калугу.

Но осада Троицкой лавры, все-таки, продолжалась. Только въ январѣ слѣдующаго 1610 года, поляки бѣжали отъ святой обители, когда узнали о приближеніи славнаго русскаго витязя Скопина-Шуйскаго съ наемнымъ шведскимъ войскомъ.

Подмосковныя дороги очистились. Къ столицѣ опять потянулись обозы съ хлѣбомъ и провизіей. Москва ожила. Съ великимъ почетомъ москвичи встрѣтили своего избавителя. Въ народѣ стали говорить, что хорошо было бы, если бы царемъ сталъ всѣми любимый, молодой князь Михаилъ Скопинъ-Шуйскій. Эти рѣчи испугали царя Василія и его родныхъ братьевъ. Одинъ изъ нихъ, Дмитрій Шуйскій устроилъ (въ апрѣлѣ 1610 года) пирь, на который пригласилъ Скопина. Хозяйка (жена Дмитрія, дочь злодѣя Малюты

Скуратова) поднесла Скопину кубокъ съ отравленнымъ виномъ. Народный герой разболѣлся и умеръ.

Велико было горе и сильно негодованіе народа. Всѣ возненавидѣли Шуйскихъ. Народъ былъ убѣжденъ, что его героя отравили, по приказанію царя Василія.

По всей землѣ пошла скорбная вѣсть о гибели спасителя Троицкой лавры и Москвы. Вскорѣ польскій гетманъ Жолкѣвскій разбилъ на голову (24 іюня 1610 года, у с. Клушина) царскія войска, которыми начальствовалъ Димитрій Шуйскій. Снова къ Москвѣ подступали—по Серпуховской и Коломенской дорогамъ Тушинскій воръ, а по Можайской—гетманъ Жолкѣвскій съ поляками. Тогда москвичи лишили Василія Ивановича престола и заставили его постричься (нѣсколько позже—19 іюля) въ монахи.

Патріархъ Гермогенъ пытался удержать бояръ и народъ отъ беззаксія. Онъ плакалъ, умолялъ и защищалъ Шуйскаго. Но на этотъ разъ верхъ одержали бояре.

4. Великая Разруха.

„Болитъ моя душа, болѣзнуетъ сердце, и всѣ внутренности мои терзаются... Я плачу и съ рыданіемъ воюю: помилуйте, братіе и чада, помилуйте свои души... Посмотрите, какъ отечество наше расхищается и разоряется чужими“.

Слова патріарха Гермогена.

Послѣ сверженія съ престола Василія Шуйскаго власть перешла къ боярской думѣ, гдѣ предсѣдательствовалъ князь Феодоръ Мстиславскій.

Народъ собирался на улицахъ и обсуждалъ, кого избрать царемъ. Между боярами и дворянами не было согласія. Первый изъ бояръ Мстиславскій стоялъ за избраніе польскаго королевича Владислава; другіе хотѣли князя Василія Голицына. За него подавалъ голосъ и патріархъ Гермогенъ.

— Чего вы ждете отъ поляковъ, если не окончательнаго разоренія царства и православной вѣры?—съ

укоромъ говорилъ патріархъ Гермогенъ боярамъ. — Развѣ нельзя избрать на царство кого-либо изъ князей русскихъ?

Патріархъ указалъ на древній боярскій родъ Романовыхъ. Изъ любимыхъ народомъ братьевъ Романовыхъ царемъ могъ бы быть избранъ Иванъ Никитичъ. Но не его назвалъ патріархъ Гермогенъ, а юнаго Михаила Ѳедоровича, отецъ котораго, постриженный въ монахи по приказанію Бориса Годунова), подъ именемъ Филарета, теперь былъ митрополитомъ ростовскимъ.

Но бояре поддерживали Мстиславскаго. Патріархъ принужденъ былъ уступить, однако—сказалъ:

— Если королевичъ крестится и будетъ въ православной вѣрѣ, то я васъ благословляю. Если же онъ не оставитъ латинской ереси, то отъ него во всемъ московскомъ государствѣ будетъ нарушена православная вѣра, и пусть не будетъ на васъ нашего благословенія, а еще наложимъ на васъ клятву.

Бояре отправили къ патріарху выборныхъ, съ просьбою благословить заключенный ими договоръ съ Жолкѣвскимъ, по поводу приглашенія на престолъ королевича Владислава.

Святитель находился въ Успенскомъ соборѣ, когда пришли къ нему выборные.

— Если въ намѣреніи вашемъ, — отвѣтилъ онъ имъ, — нѣтъ лукавства, и вы не помышляете нарушить православную вѣру и привести въ разореніе московское государство, то пребудетъ на васъ благословеніе всего собора четырехъ патріарховъ и нашего смиренія, а иначе—пусть ляжетъ на васъ клятва отъ всѣхъ четырехъ православныхъ патріарховъ и отъ нашего смиренія, и вы будете лишены милости Бога и Пресвятыя Богородицы и примете месть отъ Бога, на равнѣ съ еретиками и богоотступниками.

Бояре поспѣшили сообщить обо всемъ Жолкѣвскому, стоявшему подъ Москвой. Началась присяга королевичу Владиславу. Тушинскій воръ бѣжалъ въ Калугу, гдѣ его вскорѣ застрѣлили крещеный татаринъ князь Урусовъ.

Нѣсколько дней кряду, московскіе жители приносили присягу королевичу польскому. Во всѣ города были

разосланы грамоты, чтобы и тамъ принимали присягу. Мстиславскій съ товарищами радовались.

Но скорбень былъ патріархъ Гермогенъ. Чужло сердце святителя, что не къ добру избраніе польскаго королевича. Старецъ «плакался предъ всѣмъ народомъ и просилъ молить Бога, чтобы Онъ воздвигъ царя русскаго».

Вскорѣ обнаружилось, что не напрасно скорбѣлъ святѣйшій Гермогенъ.

5. „Обманка“ Сигизмунда.

Бояре снарядили многочисленное посольство и отправили его подъ Смоленскъ, къ польскому королю Сигизмунду. Главнымъ посламъ: митрополиту Филарету (Романову), князю Василию Голицыну, и князю Данилѣ Мезецкому данъ былъ наказъ просить короля отпустить королевича на царство въ Москву, но съ тѣмъ, чтобы Владиславъ сперва перешелъ въ православную вѣру, не поддерживалъ сношеній съ папою римскимъ, а когда женится, то чтобы невѣсту взялъ изъ какого-либо русскаго, боярскаго рода.

Патріархъ Гермогенъ поучалъ пословъ, «ни на какія прелести міра не прельщаться и не иначе соглашаться на принятіе Владислава, какъ—если онъ будетъ крещенъ православнымъ крещеніемъ, иначе же стоять имъ за вѣру крѣпко и непоколебимо страданія терпѣть». Святитель написалъ два письма: одно—королю, а другое королевичу. Онъ умолялъ короля отпустить сына въ православіе, а королевича—принять православіе. И опять, обратясь къ посламъ, горячо ихъ просилъ оберечь вѣру.

— Вы, какъ мученики, хотящіе мучиться,—сказалъ патріархъ.—Даже до смерти не щадите жизни своей: за таковыя подвиги вы получите вѣнцы царствія небснаго.

— Лучше умереть за православную христіанскую вѣру, нежели учинить что-либо постыдное!—отвѣчалъ Филаретъ.

Патріархъ благословилъ пословъ:

— Идите, Богъ съ вами и Пречистая Богородица и великіе чудотворцы, наши заступники и хранители—

Петръ и Алексѣй, Иона и Сергій и Димитрій, новоотра-
дальный благовѣрный царевичь.

Одиннадцатаго сентября посольство выѣхало изъ
Москвы. Король крайне непривѣтливо встрѣтилъ по-
словъ. Ихъ помѣстили въ лѣтнихъ палаткахъ, на бе-
регу Днѣпра. Во время приѣма, князя Голицынъ и
Мезецкій и митрополитъ Филаретъ высказали все, что
имъ было поручено—и тутъ-то открылась «обманка»
польскаго короля. Обнаружилось, что Сигизмундъ
самъ хочетъ царствовать на Руси, а королевичъ вы-
ставлялся лишь для отвода глазъ. Королевичъ, по
словамъ Сигизмунда, молодъ: гдѣ же ему управиться?..
вотъ когда станетъ постарше, тогда и можетъ занять
престоль московскихъ царей, а пока самъ отецъ бу-
детъ царствовать.

Послы оповѣстили Москву объ «обманкѣ» короля.
Жолкѣвскій началъ вести переговоры съ боярами,
чтобы впустить польскія войска въ Москву, для охраны
столицы отъ шаекъ Тушинскаго вора. Первосвященникъ
воспротивился этому.

— Дѣло твое, святѣйшій, — сказалъ ему на это
одинъ изъ бояръ, — смотри за церковными дѣлами, а
въ мирскія не слѣдуетъ тебѣ вмѣшиваться. Изстари
такъ ведется, что не попы управляютъ государствомъ.

Сторонниковъ патриарха стали сажать въ тюрьму и
подвергать всякаго рода преслѣдованіямъ.

Поляки заняли Москву. Гетманъ Жолкѣвскій само-
властно распоряжался въ столицѣ всѣми дѣлами. Зная
вліяніе патриарха на народъ, онъ старался привлечь
священника на свою сторону, но безуспѣшно: Гермогенъ
прекрасно понималъ, кто—враги русской земли.

Между тѣмъ, Жолкѣвскій сообразилъ, что Сигиз-
мундъ, добиваясь московскаго престола, затѣялъ опас-
ную игру, которая можетъ окончиться для поляковъ
печально.

Гетманъ видѣлъ, какъ русскіе ненавидятъ притѣ-
снителей: торговцы на рынкѣ даже отказываются про-
давать товаръ полякамъ. «Быть бунту, перебьютъ
москвитяне всѣхъ нашихъ», — рассуждалъ Жолкѣвскій
и, чтобъ не попасть въ бѣду, уѣхалъ (въ срединѣ
октября) къ королю, передавъ власть надъ Москвою и
польскимъ гарнизономъ пану Гонсѣвскому.

Гонсѣвскій же сталъ усиленно ратовать за своего короля. Ему усердно помогали, предавшіеся за деньги полякамъ, бояринъ Михайло Салтыковъ и мелкій кожевникъ Федька Андроновъ.

Патріархъ Гермогенъ одинъ остался вѣренъ православнои вѣрѣ и правдѣ. Народъ обратилъ послѣднія свои надежды на твердаго духомъ и прямодушнаго святителя. Если патріархъ не поможетъ одолѣть великую разруху,—разсуждали русскіе люди,—тогда, значитъ, не отъ кого ждать добра.

Патріархъ Гермогенъ сказалъ, что другого исхода нѣтъ, какъ только собрать всенародное ополченіе, которое освободитъ Москву и все государство отъ поляковъ, а затѣмъ избрать царя. Народъ согласился съ патріархомъ. Святитель началъ писать грамоты, призывая русскіе города ополчиться для избавленія святой Руси отъ бѣды.

6. Страданія Гермогена.

Теперь святитель открыто возсталъ противъ поляковъ и своими воззваніями, проникнутыми пламенною любовью къ Родинѣ, ободрялъ и укрѣплялъ русскихъ людей. Мстиславскій, Салтыковъ, Андроновъ и другіе, видя, что въ городахъ собираются ополченія, явились (5 декабря) къ Гермогену и стали просить его:

— Благослови, владыко святой, народъ на присягу королю Сигизмунду, да подпиши, вотъ, эти грамоты: дескать, русскіе люди во всемъ полагаются на его королевскую волю и готовы подчиниться ему безпрекословно. А другая грамота къ смоленскимъ нашимъ посламъ, чтобъ они ни въ чемъ не прекословили королю. Чего онъ хочетъ, тому и быть.

— Я согласенъ,—отвѣтилъ патріархъ,—писать королю, но не о томъ и не такъ. Если король дастъ сына своего на Московское государство и Владиславъ крестится въ православную вѣру и всѣхъ польскихъ людей выведетъ вонъ изъ Москвы, то я къ такому письму руку свою приложу и прочимъ властямъ повелю то же сдѣлать. А чтобы писать такъ, какъ вы пишете, что намъ всѣмъ положиться на королевскую

волю и повелѣть посламъ московскимъ сдѣлать то же самое, то это, вѣдомое дѣло, значить, намъ цѣловать крестъ самому королю, а не королевичу; такихъ грамотъ ни я, ни прочія власти писать не будемъ и вамъ не повелѣваемъ. Если же вы меня не послушаете, то я возложу на васъ клятву и проклянущихъ, кто пристанетъ къ вашему совѣту. Къ возставшимъ же на защиту отечества гражданамъ писать буду: если королевичъ приметъ единую вѣру съ нами и воцарится, то повелѣваю и благословляю твердо пребывать въ послушаніи къ нему; если же и воцарится, да единой вѣры съ нами не приметъ и людей польскихъ изъ города не выведетъ, то я всѣхъ тѣхъ людей, которые уже крестъ ему цѣловали, благословлю итти на Москву и страдать за вѣру до смерти.

Въ отвѣтъ на слова владыки, Михайло Салтыковъ закричалъ:

— Я убью тебя!

Безумецъ выхватилъ ножъ изъ-за пояса и заманулся на святителя. Гермогенъ осѣнилъ его крестомъ и спокойно произнесъ:

— Не страшусь ножа твоего, но вооружаюсь силою креста Христова противъ твоего дерзновенія. Будь же ты проклятъ отъ нашего смиренія въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ.

Салтыковъ упалъ въ ноги святителю и просилъ у него прощенія. Гермогенъ простилъ его, а Мстиславскому сказалъ:

— Твое начало, господине. Ты надъ всѣми—большій честію, тебѣ прилично подвизаться и пострадать за православную вѣру; а ежели и ты прельстишься, какъ другіе, то вскорѣ Богъ прекратитъ твою жизнь, корень твой весь уничтожится, и никого не останется на землѣ изъ рода твоего.

Съ тѣмъ и ушли измѣнники отъ патріарха.

Между тѣмъ, изъ городовъ начали выходить ополченцы. Къ Москвѣ стягивалось до ста тысячъ защитниковъ отечества, подъ начальствомъ рязанскаго воеводы Прокопія Ляпунова. Калужане шли подъ начальствомъ князя Дмитрія Трубецкого. Къ нимъ присоединился атаманъ Заруцкій съ казаками.

Патріархъ Гермогенъ отвергаетъ требованія русскихъ измѣнниковъ.

Масса ополченцевъ, шедшихъ «умереть за святая Божіи церкви и за вѣру христіанскую», устрасила лиходѣевъ. Польскій главарь Гонсѣвскій явился къ Гермогену и грубо сказалъ:

— Ты—первый зачинщикъ измѣны и всего возмущенія. По твоему письму ратные люди идутъ къ Москвѣ!.. Отпиши имъ теперь, чтобы они отошли, а то мы велимъ уморить тебя злою смертью.

— Что вы мнѣ угрожаете? — безстрашно отвѣтилъ патріархъ.—Единаго Бога я боюсь. Вы мнѣ обѣщаете злою смерть, а я надѣюсь получить чрезъ нее вѣнецъ. Уйдите вы всѣ, польскіе люди, изъ московскаго государства, и тогда я благословлю всѣхъ отойти прочь. А если вы останетесь,—мое благословеніе: всѣмъ стоять и помереть за православную вѣру!

За Гонсѣвскимъ прибылъ Салтыковъ и сталъ требовать того же. Гермогенъ отвѣчалъ:

— Если ты и съ тобою всѣ измѣнники и поляки выйдете изъ Москвы, то напишу, чтобъ ополченія воз-

вратились, и тогда все умирится... Благословляю всѣхъ достойныхъ вождей христіанскихъ утолить печаль Церкви и Отечества!

Въ то же время, къ патріарху прїѣзжали послы изъ городовъ. Святитель укрѣплялъ ихъ въ любви къ Отечеству и уговаривалъ стоять твердо за Родину и Родную Вѣру. Русская земля теперь никого не хотѣла слушать, кромѣ своего первосвященника. Русь собирала свою силу и становилась страшной незваннымъ гостямъ.

Кто же далъ бодрость запуганному русскому народу и вызвалъ его на борьбу съ многочисленными лиходѣями? Великій старецъ, патріархъ Гермогенъ!..

Онъ разослалъ по всѣмъ городамъ грамоты, открыто призывалъ народъ вооружаться противъ поляковъ, разрѣшалъ отъ присяги Владиславу, убѣждалъ собраться всѣмъ и двинуться къ Москвѣ.

Еще до этихъ грамотъ, поляки приставили стражу къ патріарху. Теперь же они держали первосвященника русской церкви подъ строгимъ надзоромъ.

Лишь изрѣдка, патріарху удавалось поговорить, болѣе или менѣе свободно, съ русскими людьми, которые со всѣхъ сторонъ приходили къ Москвѣ, чтобы получить благословеніе отъ великаго печальника Родной Страны.

— Писать мнѣ нельзя, — говорилъ въ такихъ случаяхъ святитель, — все побрали поляки, и дворъ у меня пограбили. А вы, памятуя Бога и Пречистую Богородицу и московскихъ чудотворцевъ, стойте всѣ заодно противъ нашихъ враговъ.

Русскіе люди разносили по всей землѣ слова патріарха. Народъ воспламенялся и принималъ твердую рѣшимость пожертвовать всѣмъ за Родину. Во многихъ мѣстахъ жители цѣловали крестъ, чтобы стоять за Москву и идти противъ поляковъ. Города начали пересылать другъ другу грамоты, съ призывомъ возстать за спасеніе Родной Земли.

«И мы, по благословенію и по приказу святѣйшаго Гермогена, — говорилось въ одной изъ такихъ грамотъ, — собрались со всѣми людьми изъ Нижняго (Новгорода) и съ окольными людьми идемъ къ Москвѣ».

«Первопрестольникъ апостольской церкви, святѣйшій Гермогенъ патріархъ, — писали москвичи, — прямъ,

Патріархъ Гермогенъ въ темницѣ Чудова монастыря.

Рис. Р. Штейна (изъ „Нивы“).

какъ самъ пастырь, душу свою полагаетъ за вѣру христіанскую несомнѣнно, а за нимъ слѣдуютъ все православные христіане».

7. Мученикъ за Родную Землю.

Ополченія, двинувшіяся изъ различныхъ концовъ Русской Земли, подъ предводительствомъ Ляпунова, Трубецкого и Заруцкого, подошли къ Москвѣ.

Вскорѣ (въ апрѣлѣ 1611 г.), здѣсь собралось около 100.000 ополченцевъ.

Опасаясь народнаго возмущенія, Гонсѣвскій освободилъ Гермогена на одинъ день—въ Вербное воскресенье—совершить обрядъ шествія на осляти. Гонсѣвскій съ русскими измѣнниками еще разъ рѣшилъ повлѣять на старца-патріарха.

— Если ты не напишешь къ Ляпунову и товарищамъ его, чтобы они отошли прочь, самъ умрешь злою смертію,—угрожали они.

— Вы мнѣ обѣщаете злую смерть,—спокойно отвѣчалъ патріархъ,—а я надѣюсь черезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду.

— Не буду писать къ полкамъ, стоящимъ подъ Москвою,—прибавилъ святитель,—ужь я говорилъ вамъ, и ничего другого отъ меня не услышите.

Тогда поляки бросили патріарха въ подземелье Чудова монастыря, держали старца впроголодь и объявили его лишеннымъ патріаршаго сана.

На Страстной недѣлѣ поляки зажгли Москву, а сами заперлись въ Кремлѣ. Ляпуновъ загородилъ всѣ пути въ Москву. Подвозъ припасовъ прекратился и лиходѣи умерли бы голодной смертію. Да, на ихъ счастье, между ополченскими воеводами происходили раздоры. Вражда привела къ тому, что отважный и честный Ляпуновъ былъ убитъ. Ополченіе разстроилось. Въ это же время, король польскій взялъ Смоленскъ съ помощью измѣнника, который указалъ ходъ полякамъ въ слабо защищенныя смоленскія ворота, а шведы заняли Новгородъ. Москвѣ угрожали новыя бѣды. Казалось пришелъ конецъ Русской Землѣ. Помощи неоткуда было ожидать.

Атаманъ Заруцкій попытался воцарить сына Марины Мнишекъ и Тушинскаго вора.

Тогда, въ послѣдній разъ, патріархъ Гермогенъ изъ своего заточенія возвысилъ властный голосъ. 5 августа 1611 г., въ Кремль вошелъ нѣкій свѣяженинъ Родіонъ Мосѣевъ, который тайно пробрался къ патріарху Гермогену. Святитель на-скоро составилъ свою послѣднюю грамоту и отослалъ ее въ Нижній-Новгородъ, гдѣ русскіе люди особенно скорбѣли о постигшихъ Родину страданіяхъ.

Въ этой грамотѣ великій старецъ посылалъ всѣмъ возставшимъ за Родину благословеніе и разрѣшеніе въ семь вѣкѣ и въ будущемъ за то, что они стоятъ за вѣру твердо. «А Маринкина сына не принимайте на царство: я не благословляю. Вездѣ говорите моимъ именемъ!»—поучалъ великій старецъ.

Послѣдняя грамота страдальца-патріарха совершила великое дѣло. Когда она была получена въ Нижнемъ Новгородѣ, то здѣшній староста Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукій воззвалъ къ народу: заложить все, женъ и дѣтей, ничего не падить для спасенія Отечества. И снова выросло могучее ополченіе. Составлялось оно всю зиму на сѣверѣ, а также въ Поволжьѣ и по Окѣ, а весною 1612 года пошло къ Москвѣ, подъ начальствомъ доблестнаго воеводы князя Пожарскаго и великаго гражданина Минина, и 23 октября того же года Москва была освобождена отъ поляковъ.

Еще во время сбора второго ополченія, Гонсѣвскій пришелъ въ тюрьму къ страдальцу-патріарху и потребовалъ, чтобы святитель повелѣлъ не собираться русскимъ людямъ во-едино и не ходить на освобожденіе Москвы.

— Нѣтъ!—сказалъ радостно Гермогенъ.—Я благословляю ихъ. Да будетъ надъ ними милость Божія, а измѣнникамъ—проклятіе!

Послѣ этого, поляки начали морить великаго старца голодомъ. Святитель мученически скончался 17 февраля 1612 года, исполнивъ до конца святой долгъ преданности православной Вѣрѣ и Родинѣ.

Черезъ 40 лѣтъ послѣ кончины, тѣло святѣйшаго патріарха было перенесено изъ Чудова монастыря въ кремлевскій Успенскій соборъ, гдѣ гробница Гермогена находится и теперь, такъ же, какъ и гробница митрополита Филарета—родителя царя Михаила Феодоровича Романова.

8. „Поспѣшимъ спасти отечество“

Прошло триста лѣтъ.

Отъ великой разрухи сохранились три наиболѣе свѣтлыхъ имени, это: гражданинъ Мининъ, воевода князь Пожарскій и святѣйшій патріархъ Гермогенъ.

Дороги имена ихъ сердцу каждаго русскаго человѣка. Неразрывны они между собою. Не даромъ всякій изъ насъ, взглянувъ на памятникъ Минину и Пожарскому на московской Красной площади, спѣшитъ въ Кремль, и тамъ, въ Успенскомъ соборѣ, благоговѣнно припадаетъ къ гробницѣ патріарха-мученика.

Въ лихую годину междоусобицы, старецъ врачевалъ слабыхъ духомъ, изъ гроба же онъ исцѣляетъ тѣлесно-больныхъ. Онъ служилъ Россіи при жизни, служить ей и по смерти, какъ молитвенникъ предъ престоломъ Всевышняго.

Вся Россія, 17 февраля 1912 года, торжественно чествуетъ память великаго святителя, въ день трехсотлѣтія его блаженной кончины. Въ честь его будетъ воздвигнуть всероссійскій памятникъ.

«Поспѣшимъ спасти Москву и отечество!»—воззвалъ святитель къ земскимъ людямъ. И земщина откликнулась, прежде всего, въ Нижнемъ-Новгородѣ. «Поспѣшимъ спасти Москву и отечество!»—повторилъ Гермогеновъ кличъ Козьма Мининъ, обратясь къ князю Пожарскому. «Поспѣшимъ»,—отвѣчалъ князь-воевода. Москва и отечество были спасены.

Кличъ великаго патріарха какъ будто и теперь раздаётся. Вѣра святителя въ великое будущее своей Родины и до сихъ поръ укрѣпляетъ «Русь перводержавную, Русь православную» среди всѣхъ выпавшихъ на ея долю невзгодъ.

Опочилъ онъ, русскимъ людямъ
Крѣпко вѣрить завѣщая,
Что отъ всяческой невзгоды
Отстоится Русь святая.

Handwritten mark or signature in the top right corner.

800 =

сл. 4

Цѣна 5 коп.